

УДК 811.161.1'1

КОНЦЕПТ «ГЛУПЫЙ ПОСТУПОК» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

© Людмила Бушуева

THE CONCEPT OF “STUPIDITY” IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUOCULTURES

Liudmila Bushuyeva

The article analyzes the concept “stupidity” as one of the aspects of the Russian and English worldview and identifies the group of lexemes, representing the concept in the Russian and English languages. The analysis of specific characteristics of the concept semantics is based on the Russian and English dictionary material. The article studies distinctive features of “stupidity” in the perception of Russian and English language speakers and defines invariable elements of the concept; they are: a motive, subject, action, evaluation and result of an act. By using the National corpus of the Russian language and the British national corpus we reveal how these elements are actualized in Russian and English speech. The study of the features, characterizing speech representations of the concept “stupidity” in Russian and English, substantiates our conclusion, based on the lexicographic analysis. The research shows that the concept “stupidity” has culture-bound and universal features in Russian and English.

Keywords: worldview, invariable element, conceptualization, concept, act, name of act.

В статье рассматривается концепт «глупый поступок» как элемент русской и английской языковой картины мира. Определена группа лексем, репрезентирующих концепт в русском и английском языках. Специфика семантического наполнения концепта изучается с помощью анализа лексикографических данных авторитетных русских и английских толковых словарей. Выявлен ряд характерных признаков, которыми обладает «глупый поступок» в представлении носителей русского и английского языков. К инвариантным признакам отнесены такие элементы поступка, как мотив поступка, агент поступка, действие, лежащее в основе поступка, оценка и результат поступка. На примере контекстов Национального корпуса русского языка и Национального Британского корпуса показано то, каким образом актуализируются выявленные признаки в русской и английской речи, а также то, какие из них актуализированы в наибольшем количестве контекстов. Наблюдения за особенностями функционирования языковых репрезентантов концепта «глупый поступок» в русскоязычном и англоязычном дискурсах подтвердили выводы, сделанные в ходе лексикографического анализа. Исследование показало, что национально-специфическое и общее в русском и английском языках проявляется в наборе признаков, образующих содержание концепта «глупый поступок».

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуализация, концепт, инвариантный признак, поступок, имя поступка.

Вопросы соотношения языка, мышления и речи занимают центральное место в современных лингвистических исследованиях. Языковая картина мира, с одной стороны, отражает отношения внеязыковой действительности, с другой – воплощает результат восприятия мира говорящим. Человек осознает впервые наблюдаемое событие через осмысление, через сравнение с уже знакомой, прошедшей через восприятие ситуацией. Любое слово и стоящий за ним концепт включается в несколько ячеек понятийной сетки, что обеспечивает его существование в виде множества ассоциативных связей. При переносе при-

знаков из других концептуальных областей описываемый фрагмент мира уподобляется чему-то иному, сходному по какому-либо качеству, свойству, отношению [Залевская], [Бочкарев].

Классификационная деятельность, а именно концептуализация и категоризация, осуществляется людьми для того, чтобы обеспечить себе нормальное существование, придать действительности упорядоченный характер, свести полученную из внешнего мира информацию в определенные рубрики [Голованова], [Корнилов], [Пименова]. Соотнесение языковой информации со схемами знаний происходит непрерывно, и

это позволяет систематизировать многообразие явлений окружающего мира и человеческих ощущений [Харитончик].

Концептуализация, понимаемая как классификационная деятельность, направлена на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания [Кубрякова, с. 35]. Одной из когнитивных структур представления знаний является концепт.

Термин «концепт» получает разнообразные трактовки в современной лингвистике. В данной работе за основу принята точка зрения В. И. Карасика, который под концептом понимает «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная сторона» [Карасик, 2002, с. 91]. Концепт представляет собой «единицу коллективного знания, отправляющую к высшим духовным ценностям, имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [Воркачев, с. 41].

Концепты могут рассматриваться с разных позиций, например, на первый план выводится ценностная составляющая концептов (с позиции аксиологической лингвистики) или важным оказывается многослойность концептов и соотношение их понятийного и образного содержания (с позиции когнитивной лингвистики) [Карасик, 2013, с. 150].

Данная статья посвящена анализу концепта «глупый поступок» в русскоязычной и англоязычных картинах мира. Целью исследования является выявление общих и национально-специфичных признаков указанного концепта в русской и английской лингвокультурах.

Материалом для настоящего исследования послужили лексические единицы, номинирующие концепт «глупый поступок» в русском и английском языках. Данные языковые единицы были выделены путем сплошной выборки из существующих толковых, этимологических, синонимических словарей; также материалом для исследования послужили данные Национального корпуса русского языка и British National Corpus.

Актуальность исследования определяется общей тенденцией современной лингвистики к изучению языковых единиц различных этносов и возрастающим интересом к исследованию когнитивных механизмов, связывающих язык и сознание, а также важностью изучения способов отражения в языке национального характера.

В русском языке для актуализации концепта «глупый поступок» используется множество единиц, из которых базовыми являются лексемы *глупость*, *безумство*, *идиотство*, *безрассудство*, *безумие*, *сумасбродство*. Некоторые лексемы могут обозначать только поступки (*безумство*,

идиотство), некоторые – поступки и свойство человека (*безрассудство*, *сумасбродство* и др.). В данном исследовании во внимание принимались только те смыслы лексем, которые связаны с поступком человека.

Кроме базовых номинантов концепта, ситуацию «глупого поступка» могут репрезентировать лексемы, связанные с перечисленными деривационными и синонимическими отношениями: *глупец*, *дура*, *безумец*, *глупить*, *безумствовать*, *идиотский*, *сумасбродный* и др. Все эти единицы образуют 3 основные группы: 1) агенты поступка, их свойства; 2) действия, осуществляемые агентами; 3) оценка действий, агентов действий, ситуаций.

Анализ словарных определений лексем, актуализирующих ситуацию «глупого поступка», дает возможность выделить в содержании концепта «глупый поступок» следующие признаки: 1) поступок человека; 2) неразумный; 3) оценивается отрицательно. Толкования и словарные иллюстрации конкретизируют неразумное действие, лежащее в его основе: «безрассудство – поведение, не сдерживаемое доводами рассудка, неразумное поведение, опрометчивый поступок» [Бабенко, с. 720]; «глупость – лишенный глубокого или разумного содержания поступок» [Колесов, Колесова, Харитонов, с. 404]. В определениях отмечается, что «поступки глупца бессмысленны и вызывают жалость или смех», а также то, что «глупость – это дурость часто в ущерб себе» [Там же], что указывает на возможный негативный результат поступка. Все дефиниции указывают на отрицательную оценку поступка.

В английском языке для актуализации ситуации «глупый поступок» используются следующие единицы: *foolishness*, *idiocy*, *silliness*, *jackassery*, *stupidity*, *foolery*, *folly*, *lunacy*, *idiot*, *fool*, *jackass*, *lunatic*, *stupid*, *stupidly*, *silly*, *foolishly*. Единицей-репрезентантом концепта «глупый поступок» является лексема *stupidity*

Как и в русском языке, некоторые из перечисленных единиц используются в английском языке для номинации поступка и для обозначения свойства: *foolishness – lack of good sense or judgement*; *stupidity* [Oxford dictionary]; *stupidity – the quality or state of being stupid*; *stupidity – a stupid action* [Merriam-Webster dictionary]. В данном исследовании в фокусе внимания находятся имена поступков; лексемы, обозначающие свойство человека, рассматриваются только в контекстах, описывающих поступки человека, совершенные в результате проявления обозначаемого данными лексемами свойства.

Проанализированные дефиниции английских лексем дают возможность выделить в содержа-

нии концепта «глупый поступок» признаки, сходные с теми, что были выявлены в русском языке: 1) поступок человека; 2) неразумный; 3) оценивается отрицательно. Толкования и словарные иллюстрации конкретизируют признаки глупости: говорится о негативных последствиях поступка; акцентируется то, что в основе поступка лежит действие, характеризующееся отсутствием здравого смысла. Например, *folly* – *an action that is stupid and likely to have extremely bad results*; *lunacy* – *stupid behavior that will have bad results* [Cambridge dictionary]. Все анализируемые в рамках рассматриваемой подгруппы единицы характеризуются значением “utterly senseless or foolish behavior” [Merriam-Webster dictionary].

Обратимся к анализу функционирования лексем, репрезентирующих концепт «глупый поступок», в русскоязычном и англоязычном дискурсах. В качестве источников использовались текстовые базы данных «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ) [НКРЯ] и “British national corpus” (далее – BNC) [BNC].

Что лежит в основе глупого поступка? Является ли глупый поступок проявлением черт характера человека или определенные мотивы побуждают человека совершить действие, оцениваемое в результате как неразумное?

В русской лингвокультуре мотив «глупого поступка» уточняется в следующем направлении: поступок совершается, когда человек находится под воздействием факторов, способствующих изменению привычного состояния (покой и стабильности), например, в стрессовой ситуации, когда агент поступка испытывает страх или напряжение, когда влюблен и не совсем контролирует свои эмоции. Рассмотрим примеры из НКРЯ: *Вот только откуда мне знать, на какие выверты и сумасбродства способны мужчины, когда им плохо?* (Соломатина, 2009); *Моя душа полна любви. Я, кажется, наделаю глупостей – пошлю ему розы или письмо* (Колмогоров, 2012).

В целом, для глупости характерны скрытые мотивы. Непонимание причины, мотивирующей агента на совершение того или иного шага, – одно из оснований причисления поступка к классу глупостей. Уместно в этом плане привести высказывание В. И. Карасика: «Людам свойственно считать свое собственное поведение нормой, точкой отсчета, по отношению к которой устанавливаются приемлемые и неприемлемые отклонения от нормы. Первое, что приходит в голову при столкновении с человеком, чей стиль поведения резко отличается от моего собственного, чьи ценности лишены целесообразного (с моей точки зрения) объяснения, – это сомнение в интеллектуальной состоятельности этого челове-

ка» [Карасик, 2009, с. 252]. Например: *К тому же меня смущала слишком уж очевидная глупость этого поступка. Немотивированность и бессмысленность его сбивали с толку...* (Павская, 2006). Данное наблюдение справедливо и для английской лингвокультуры. Рассмотрим примеры из BNC: *When I had breath to spare, I shouted, “Why on earth did I come? I’m an idiot!”* (Wheelbarrow across the Sahara, 1985–1993); *People said he was a fool, but I knew exactly what he was doing* (Conversations with Karajan, 1985–1993).

Обратим внимание на типичных агентов, которые квалифицируются с точки зрения неразумного поведения: 1) любой человек, 2) молодой и неопытный человек; 3) человек в измененном психологическом состоянии. Проиллюстрируем перечисленные классы агентов примерами: 1) *Все делают глупости. Все ошибаются* (Дергачева, 2013); 2) *Но человек, которому доверили такое дело, должен обладать житейской зрелостью. А если он ею не обладает, ему может заблуждаться делать неприятные глупости* (Искандер, 1969); 3) *Мама была главным человеком в моей жизни, и, когда она заболела и умерла, мне казалось, я тоже умер. Такая абсолютная потерянности. Еще чуть-чуть, и я бы совершил какую-нибудь глупость* (Гусятинский, 2010).

В англоязычном дискурсе не выявляются конкретные признаки, характерные для агента «глупого поступка». Агентом его, по данным BNC, может быть любой человек, действия которого не согласуются с общепринятыми нормами поведения и влекут за собой негативные последствия. В любой другой ситуации этот же человек может повести себя вполне разумно и рационально, что свидетельствует о том, что определяющим в ситуации «глупого поступка» для говорящих на английском языке является не личность агента поступка, а нечто другое, например, неспособность осознать в момент совершения поступка того, что он не согласуется с нормами поведения или влечет за собой крайне негативные последствия для агента поступка или других людей. Рассмотрим примеры: *Given the high expenses you could suffer should disaster strike just before or while on holiday, and the relatively low cost of buying adequate cover, only a fool would book travel arrangements without taking insurance* (The Guardian, 1985–1993); *What species of idiot, he wondered, had found it fun to murder them, cut off their heads and use them instead of wallpaper?* (The forest of the night, 1985–1993).

В дискурсе конкретизированы лишь общие признаки действия, лежащего в основе поступ-

ков, оцениваемых впоследствии как глупые, которые можно сформулировать следующим образом: «действие, не согласующееся с общепринятой нормой», «действие, не согласующееся с ситуацией». Как правило, оценивание происходит по одной схеме: действие рассматривается в соотношении с конкретной ситуацией, мотивом, возможными последствиями или же личностью самого агента. Например, в следующем контексте номинация *глупый* употребляется применительно к человеку, чьи действия не соответствуют ситуации: *Говорили про подружку одного из них – глупую приезжую девушку, все делающую невпопад, открывающую рот где не надо и вводящую в конфуз* (Долгинова, 2012).

Идея глупости в английском языковом сознании сводится к совершению действий, последствия которых не понимаются агентом поступка (или понимаются уже после совершения поступка), но, по сути, являются крайне нежелательными, иногда опасными. Например: *Straightaway Steve got on to Malcolm and told him they needed all this money to join up with Scientology. Malcolm told him not to be so stupid* (I was a teenage sex pistol, 1985–1993).

В русскоязычном дискурсе подчеркивается идея нелепости, вздорности, необоснованности глупого поведения и вытекающей отсюда необходимости пресекать подобные поступки. Прототипической для глупости следует считать отрицательную оценку, которая может быть выражена эксплицитно или имплицитно: *В жизнь я врал так трудно, медленно, делал глупости, досаждал себе и другим* (Домбровский, 1964); *Если бы я рассказал вам хоть пятую часть всех безрассудств его молодости, вы бы были шокированы* (Рубина, 1999).

Глупость оценивается положительно, когда она противопоставляется скучной предсказуемости человека зрелого и привыкшего к стабильному, размеренному образу жизни. В таком случае глупый поступок соотносим с порывом, с демонстрацией себе и окружающим, что жизнь с ее радостями и приключениями продолжается. Например: *Протрезвев, Шурик ничего не помнил, требовал все новых подробностей, каждую малость встречал прокуранным гогованием: «Врешь, зараза!», и страшно гордился тем, что еще способен глупить и куролесить* (Вишневецкая, 1997).

В отличие от русской, в английской лингвокультуре «глупый поступок» представлен как рискованный поступок: *But she, or he, will be disappointed if your heroine simply plunges foolishly and thoughtlessly into some obvious danger when, with hardly any thought, some alternative line of ac-*

tion lies open to her (Writing crime fiction, 1985–1993).

Общим в восприятии глупости для двух лингвокультур является результат поступка. В большинстве русскоязычных и англоязычных контекстах он представлен как крайне негативный. Например: *Опомнись, сыночек. Твои безумства не кончатся добром* (Парнов, 1990); *The Irish bishop did not laugh, but looked on the behavior of the peasants as a tragic folly that could lead only to their doom* (Jaunting through Ireland, 1985–1993).

Типичным результатом «глупого поступка» в английской лингвокультуре является эмоциональная реакция агента поступка, которая в абсолютном большинстве случаев представляет собой сожаление, разочарование, стыд. Рассмотрим примеры: *Now as he strode north determined on its recovery he was ashamed and astonished at his own folly* (The affair of the forest, 1985–1993); *He would soon realize he had been acting stupidly and feel sorry for his bad temper* (The girl from Cotton Lane, 1985–1993); *I'm bitterly sorry I behaved so stupidly towards you, but – I can promise I'll never marry another man while you want me to be your wife* (Far from the madding crowd, 1985–1993).

Проведенное исследование показало, что глупый поступок концептуализируется в русскоязычном и англоязычном языковом сознании в виде многомерного ментального образования, основными параметрами которого выступают неразумные деяния, совершаемые с целью, скрытой от наблюдателя, и приводящие к крайне негативным последствиям и поэтому оцениваемые отрицательно. С точки зрения когнитивной лингвистики семантическая характеристика языкового явления учитывает специфику восприятия описываемой ситуации, выбор точки зрения, концентрацию внимания на отдельных эпизодах. Анализ содержательных особенностей концепта «глупый поступок» в двух языках позволяет актуализировать схожие значимые признаки для носителей двух языков: действие, оценка и результат. Исследование выявляет совпадение некоторых признаков мотива поступка в русском и английском языковом сознании: поступок оценивается как бессмысленный из-за неясности его мотивов. Однако в русской лингвокультуре мотив более конкретизирован за счет регулярного упоминания в дискурсе обстоятельств, при которых совершается глупый поступок: типичны упоминания о факторах, влияющих на психологическое состояние агента поступка, что обуславливает выбор действия. Агент поступка также конкретизируется в русскоязычном дискурсе:

1) любой человек; 2) незрелый человек; 3) человек в измененном психологическом состоянии.

В англоязычном дискурсе агент поступка представлен как тот, кто не обладает достаточной рассудительностью (в момент совершения поступка или вообще), чтобы предвидеть негативные последствия поступка. Соответственно агент поступка может быть охарактеризован как непредусмотрительный, невежественный человек. Элемент «действие» характеризуется значительной степенью совпадения признаков. Действие не конкретизировано, а лишь собирательно оценочно охарактеризовано. В целом, это действие, противоречащее нормам поведения. Англоязычное осмысление глупости в плане действий, лежащих в ее основе, носит более конкретный характер по сравнению с русским и вызывает ассоциации с опасностью. В русском языковом сознании, как и в английском, акцентируются негативные последствия глупого поступка. Различия касаются лишь конкретного воплощения отрицательных последствий. Прототипической оценкой для глупости является отрицательная оценка. В англоязычном сознании поступки, оцениваемые как глупые, осуждаются и порицаются. Для русских притягательным является образ человека, совершающего глупости (глупые поступки) сознательно с целью добавить в скучную рутину некую изюминку, легкомысленность.

Список литературы

Бабенко Л. Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

Бочкарев А. Е. Семантический словарь. Серия: Studia Semiotica. Нижний Новгород: Деком, 2003. 200 с.

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

Голованова Е. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта, 2014. 224 с.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999. 382 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Изд-во «Перемена», 2002. 477 с.

Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. Санкт Петербург: Златоуст, 2014. 592 с.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2014. 348 с.

Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 34–47.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.04.2017)

Пименова М. В. Естественная категоризация в языке (на примере концептов внутреннего мира) // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 119–129

Харитончик З. А. Способы концептуальной организации знаний // Язык и структура представления знаний. М.: ИНИОН. РАН, 1992. С. 98–119

British National Corpus. URL: <http://bnc.com> (дата обращения: 04.04.2017)

Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org.ru/> (дата обращения: 29.03.2017)

Merriam-Webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 27.03.2017)

Oxford dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 28.03.2017)

References

Babenko, L. G. (2005). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushhestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy* [The Dictionary of Russian Nouns: Idiographic Description. Synonyms. Antonyms]. 864 p. Moscow, AST-PRESS KNIGA. (In Russian)

Bochkarev, A. E. (2003). *Semanticheskii slovar'. Seriya: Studia Semiotica* [The Semantic Dictionary. Series of Studia Semiotica]. 200 p. Nizhnii Novgorod, Dekom. (In Russian)

British National Corpus. URL: <http://bnc.com> (accessed: 04.04.2017). (In English)

Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org.ru/> (accessed: 29.03.2017). (In English)

Golovanova, E. (2014). *Vvedenie v kognitivnoye terminovedenie* [Cognitive Terminology Studies in Brief]. 224 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

Haritonchik, Z. A. (1992). *Sposoby konceptual'noi organizatsii znaniy* [Methods of Conceptual Framing of Knowledge]. *Iazyk i struktura predstavleniya znaniy*, pp. 98–119. Moscow, INION. RAN. (In Russian)

Karasik, V. I. (2002). *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: A Personality, Concepts, Discourse]. 477 p. Volgograd, Peremena. (In Russian)

Karasik, V. I. (2009). *Iazykovye kliuchi* [Language Keys]. 406 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)

Karasik, V. I. (2013). *Iazykovaia matritsa kul'tury* [Linguistic Model of Culture]. 320 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)

Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., Haritonov, A. A. (2014). *Slovar' russkoi mental'nosti* [The Dictionary of Russian Mentality]. 592 p. St. Petersburg, Zlatoust. (In Russian)

Kornilov, O. A. (2014). *Iazykovye kartiny mira kak proizvodnyye nacional'nykh mentalitetov* [Linguistic

Worldviews as the Product of the Mindsets of Various Nations]. 348 p. Moscow, KDU. (In Russian)

Kubriakova, E. S. (1994). *Nachal'nye etapy stanovleniia kognitivizma: lingvistika – psikhologiia – kognitivnaia nauka* [Initial Stages of Cognitive Studies Formation: Linguistics – Psychology – Cognitive Studies]. *Vo-prosy iazykoznaniiia*, 1994, pp. 34–47. (In Russian)

Merriam-Webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 27.03.2017). (In English)

Nacional'nii korpus russkogo iazyka [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 02.04.2017). (In Russian)

Oxford dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (accessed: 28.03.2017). (In English)

Pimenova, M. V. (2010). *Estestvennaia kategorizaciia v iazyke (na primere konceptov vnutrennego mira)* [Natural Categorization in Language (in terms of the concepts of man's inner world)]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. Vyp. VII. Tipy kategorii v iazyke, pp.119–129. Tambov, Izdatel'skii dom TGU im. G. R. Derzhavina. (In Russian)

Vorkachev, S. G. (2004). *Schast'e kak lingvo-kul'turnyi concept* [Happiness as a Linguocultural Concept]. 236 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)

Zalevskaia, A. A. (1999). *Vvedenie v psiholingvistiku* [Foundations of Psycholinguistics]. 382 p. Moscow, RGGU. (In Russian)

The article was submitted on 01.06.2017
Поступила в редакцию 01.06.2017

Бушуева Людмила Александровна,

кандидат филологических наук,
доцент,

Национальный исследовательский
Нижегородский Государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,

603950, Россия, Нижний Новгород,
пр. Гагарина, 23.

sebeleva@yandex.ru

Bushuyeva Liudmila Aleksandrovna,

Ph.D. in Philology,

Associate Professor,

University of Nizhni Novgorod
named after N. I. Lobachevsky,

23 Gagarin Ave.,

Nizhni Novgorod, 603950, Russian Federation.

sebeleva@yandex.ru